

УДК 82

**Л.Н.ТОЛСТОЙ: СОШЕСТВИЕ В АД
(ЭТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА АДА В ТВОРЧЕСТВЕ ТОЛСТОГО)****LEO TOLSTOY: THE DESCENT INTO HELL (ETHICAL SYMBOLS OF HELL IN
THE WORKS OF TOLSTOY)****Е.Д.Мелешко, В.Н. Назаров
E.D. Meleshko, V.N. Nazarov***Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 300026, Тула, пр. Ленина, 125
Tula State Pedagogical University of L.N. Tolstoy, 125 Lenina St, Tula, 300026, Russia**E-mail: phileo@tspu.tula.ru*

Ключевые слова: Толстой, ад, грехи, пороки, наказание, покаяние, воздаяние.
Keywords: Tolstoy, hell, sin, vice, punishment, repentance, reward.

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть образы героев художественных произведений Толстого в контексте грехов и пороков, соответствующих дантовской структуре ада. Смысл художественного творчества Толстого раскрывается при этом как «сошествие в ад» с целью оправдания и выведения героев «из ада» через их наказание и покаяние. Это соответствует внутреннему освобождению от грехов самого автора, для которого образы героев персонифицируют его собственные грехи и пороки.

Resume. The article attempts to consider the characters of works of art in the context of Tolstoy's sins and vices corresponding model of Dante hell. The meaning of art is revealed with Tolstoy as "descent into hell" in order to justify and excretion heroes "from hell" through their punishment and repentance "This corresponds to the inner liberation from the sins of the author, for which the characters personify his own sins and vices.

«Редко встречал человека, более меня одаренного всеми пороками: сластолюбием, корыстолюбием, злостью, тщеславием и, главное, себялюбием. Благодарю Бога за то, что я знаю это, видел и вижу в себе эту мерзость и все-таки борюсь с нею»
Л.Н.Толстой. Дневники , 7 августа, 1910 г.

Метафора жизни и ухода Л.Н.Толстого – не «бегство из рая» [См.: Басинский, 2010]. Напротив, его жизнь и творчество есть поэтапное **сошествие в ад**. Если наложить дантовскую схему кругов ада на творчество Толстого, особенно в аспекте его учения о грехах, соблазнах и суевериях, то можно выявить его постепенное погружение в глубины человеческой порочности.

Круги греховности героев произведений Толстого

Учение Толстого о грехах, соблазнах и суевериях может служить религиозно-философской основой понимания судеб героев его произведений в плане классификации их греховных страстей (пороков), особенностей их зарождения и развития, борьбы с ними и их преодоления, раскаяния и возмездия. В этом смысле все герои толстовских произведений могут быть выстроены по определенным кругам греховности, подобных тем, которые мы находим в Аду и Чистилище Данте. Так, герои «Анны Карениной» повторяют судьбу Франчески и Паоло, которые несут наказание во втором круге Ада за прелюбодеяние и супружескую измену. Не случайно, Толстой избирает эпитафию – «Мне отмщение, и аз воздам», в которой выражена идея возмездия, как главного закона существования порочных душ (грешников) в аду. Среди героев художественных произведений Толстого мы найдем и чревоугодников, и скупцов, и расточителей, и воров, и лжецов, и богохульников, и предателей. Но наибольшее количество грешников художественного мира Толстого должны нести наказание во втором круге Ада (по классификации грешников Данте) среди сладострастников и прелюбодеев.

В данной статье мы хотели бы уделить особое внимание толстовским грешниками «второго круга» из романа «Воскресение» – Дмитрию Нехлюдову и Екатерине Масловой, раскрыть этическую символику их ада, показав зарождение и развитие греховной страсти, характер раскаяния и смысл возмездия.

«Воскресение» как сюжет ада

Роман Л.Н.Толстого неоднозначен и в определенной степени загадочен. Может быть потому, что он был задуман как «роман de longue haleine», «роман большого дыхания», в котором сфокусированы, по мнению писателя, все «неисполненные замыслы» и который, как всякое великое произведение, наполнен различными смыслами. Каждый век и каждое поколение прочитывает эти смыслы по-своему: кто-то видит в них «Воскресение», а кто-то – «Ад».

В чем смысл этого романа для нашего современника? Ведь сюжет банален и лишен драматизма для читателя, искушенного картинами смертей, откровенного разврата, нравственных падений и обманов. Барин обольстил и обманул молодую девушку, затем, по прошествии лет, увидел ее в суде, предложил ей спасение, брак, даже пошел за ней на каторгу (какой сюжет для комиксов!). Сколько таких, еще более драматических судеб эпохи российской перестройки рассказано нам с экранов телевидения и газетных полос. И как мы к ним привыкли! Ведь это судьбы других, а не нас и наших близких..., Вспоминается эпитафия на могиле известного французского философа: «Кстати умирают другие...».

И все же... почему этот вполне банальный сюжет романа так завораживает? Вероятно, потому, что Толстой, как и Данте в «Божественной комедии», показал *круги ада* современной жизни. Только в отличие от Данте, он рисует сошествие в ад не *после смерти*, а в течение всей *человеческой жизни – от рождения до смерти*. Этот ад, выписанный Толстым, зависит от морального выбора человека и связан с колоссальной духовной работой преодоления греха – раскаянием и самосовершенствованием.

Метафоры Ада. Сошествие в ад начинается с рождения для людей определенного социального положения. Катюша Маслова, например, с рождения, как и сотни других младенцев в русских деревнях, была приговорена к голодной мучительной смерти, однако, физически была спасена сентиментальными тетушками Нехлюдова [Толстой: Воскресение, С. 24].

Условия жизни Масловой в доме терпимости сопоставимы с кругами ада падших грешниц [Толстой: Воскресение, С. 28].

Ад в романе высвечен Толстым в его описании условий осужденных: тюрьма, этапирование и т.д. Все эти условия ассоциируются с нечеловеческими мучениями и страданиями грешников-преступников, попадающих в ад. Но если условия ада (невыносимый жар, стояние в холоде, воде, экскрементах и т.д.) [Толстой: Воскресение, С. 379] - наказание и связаны с божественной карой, то в представлении Нехлюдова эти невыносимые условия жизни, [Толстой: Воскресение, С. 312] повлекшие многочисленные мучительные смерти этапированных каторжан, создаются государственными людьми, представителями судебных и надзирательных органов, которые «если не были губернаторами, смотрителями, офицерами, двадцать раз подумали бы о том, можно ли отправлять людей в такую жару, двадцать раз дорогой остановились бы...свели бы несчастье, выказали бы сострадание». Однако виновных в убийстве нет: «И что ужаснее всего, что убили, и никто не знает, кто его убил. А убили. Никто не виноват, а люди убиты и убиты все-таки этими самыми не виноватыми в их смертях людьми» [Толстой: Воскресение, С. 326].

Ад «Воскресения» – это *нравственный хаос*, в котором все поставлено с ног на голову, рожденные жить – умирают, невиновные подвергаются мучительным пыткам и несправедному суду, родных людей разлучают, виновным воздается прощение, а наказание – дьявольски искажено идеей нравственного и духовного «исправления» преступников на каторге, в тюрьме. Такова «перевернутая» реальность жизни, ее абсурдность и нравственная выхолощенность, выписана Толстым с необыкновенно художественной и психологической правдой...

Так что же такое ад современной жизни романа «Воскресение», тот ад, в котором живут все люди, независимо от социального положения? Ад - порождение *зла*, которое

очевидно, есть зло социальное. Однако, зла, как это не парадоксально звучит, согласно учению Толстого, не существует, оно иллюзорно...

Иллюзия зла: грехи – соблазны – суеверия

Зло в понимании Л.Н. Толстого имеет двойственный парадоксальный смысл. "Мы называем злом все то, - пишет Толстой во вступительном, ключевом изречении к разделу "Зло" в "Пути жизни", - что нарушает благо нашей телесной жизни. А между тем вся жизнь наша есть только постепенное освобождение души от того, что составляет благо тела. И потому для того, кто понимает жизнь такую, какая она действительно есть, нет зла" [Толстой: *Путь жизни*, С. 358]. Эту мысль Толстой приводит в еще более парадоксальной и лаконичной форме: "То, что мы считаем для себя злом, есть большею частью не понятое еще нами добро" [Толстой: *Путь жизни*, С. 363].

Таким образом, позиция Л.Н. Толстого в определении зла двойственна и противоречива: с одной стороны, зло реально не существует, это – иллюзия, с другой, - зло есть "непонятое добро", следовательно, зло для Толстого *эфемерно, иллюзорно и в то же время реально*. В этом смысле (реальности зла) Толстой ориентируется на христианскую традицию (контекст евангельской заповеди позволяет предположить, что зло не просто реально, оно *суперреально*. "Дьявольская" реальность зла узурпирует все права сущего быть онтологически значимым. Христос заповедует не противиться *человеческой силой* этому дьявольскому онтологизму зла, противопоставив ему *духовную сверхсущую реальность* кротости, терпения и милосердия.).

Толстой выделяет различные виды зла. Но в целом, опыт восприятия и переживания зла оказался для него смещенным в область *зла социального*, прежде всего, *собственности и власти*, которые он рассматривает в качестве *моральных пороков* личности и общества: греха туеядства и праздности, греха корыстолюбия и богатства, греха властолюбия, соблазна неравенства и соблазна насилия.

Совокупность грехов, согласно учению Толстого, - зло, в его онтологическом и этическом смысле. Зло конкретизируется в понятии **греха**. В узком же смысле грех понимается как "потворство телесным похотям"; соблазн - как "ложное представление человека о своем отношении к миру", а суеверие - как "принятое на веру ложное учение" [Толстой: *Путь жизни*, С. 71]. Соотношение между грехами, соблазнами и суевериями Толстой сформулировал следующим образом: "От тела -- грехи, от мнения людей -- соблазны, от недоверия к своему разуму -- суеверия" [Толстой: *Путь жизни*, С. 77].

Следовательно, существующее зло есть то, что *создано самим человеком*. Зло не онтологично по своей природе, оно персонифицировано непосредственно в грехах, то есть в поступках и что более важно, в мыслях, которые мотивируют поступки.

Творение человеком греха

В романе «Воскресение» Толстой высвечивает этапы развития греха: зарождение – развитие – искоренение, показывает их внутреннюю и внешнюю мотивацию: трансформацию греха в социальное зло, сложное переплетение родовых, социальных, семейных личных грехов, которые искажают судьбы, изменяют души, уничтожают и совершенствуют человека.

Нехлюдов всю свою сознательную жизнь прожил, ориентируясь на иллюзию добра, доверяясь «общественному суеверию жизни», основанного на привычках и правилах повседневности людей его круга. Будучи молодым юношей, он считал «своим настоящим я духовное существо», поэтому мир представлялся ему божественной тайной, природа, женщина – поэтической загадкой... Именно в это время возникает первое чисто чувство к Катюше. Однако перемена, которая произошла с ним, превратила поэтического чистого юношу в «развращенного эгоиста, любящего только свое наслаждение». Это произошло вследствие того, что Нехлюдов «перестал верить себе и стал верить другим. Перестал же он верить себе, а стал верить другим..., потому, что жить, веря себе, было очень трудно: веря себе всякий вопрос надо решать не пользу своего животного я, ищущего легких радостей, а, почти всегда, против него; веря же другим, решать нечего было, все уже было решено, и решено всегда против духовного в пользу животного я. Мало того, веря себе, он всегда подвергался осуждению других, - веря другим, он получал одобрение людей, окружающих его» [Толстой: *Воскресение*, С. 61].

Это состояние жизни определяется в романе как «*хроническое сумасшествие эгоизма*», именно оно мотивирует поступки и мысли героя, которые препятствуют любви и, как следствие, противоречат нравственности.

Толстой показывает, как, казалось бы, простая банальная интрижка с горничной, перерастает в масштабное предательство не только близкого и любимого когда-то человека, но и в предательство самого себя; ведь и Нехлюдов, и Катюша Маслова после рокового сближения и гибели их общего ребенка, смерть которого в определенном смысле символична, потеряли свое *духовное достоинство*: то поэтическое, светлое и чистое, что составляло квинтэссенцию души. Эта душевная особенность высвечивается в любви: «В любви между мужчиной и женщиной бывает всегда одна минута, когда любовь эта доходит до своего зенита, когда нет в ней ничего сознательного рассудочного и нет ничего чувственного. Такой минутой была для Нехлюдова эта ночь светло Христова воскресения. Когда он вспоминал Катюшу, то из всех положений, в которых он видел ее, эта минута застлала все другие. Черная, гладкая, блестящая головка, белое платье со складками, девственно охватывающее ее грудь и невысокую грудь, и этот румянец, и эти нежные чуть-чуть от бессонной ночи косящие глянцевиные черные глаза, и на всем существе ее две главные черты: *чистота девственности любви* (*курсив наш – Е.М., В.Н.*) не только к нему, - он знал это - но любви ко всем и ко всему, не только хорошему, что только есть в мире, - к тому нищему, с которым она поцеловалась. Он знал, что в ней была эта любовь, потому что он в себе в эту ночь и в это утро сознавал ее, и сознавал, что в этой любви он сливался с нею в одно» [Толстой: Воскресение, С. 69].

Соборность и религиозность этого чувства подчеркивают низость греха, обусловленного «животным чувством», которое «выпроставшись из-за прежнего чувства хорошей любви к ней, овладело им и царило одно, ничего другое не признавая» [Толстой: Воскресение, С. 72].

Сила этого религиозного чувства такова, что даже после десяти лет забвения этого случая с Масловой роковая встреча в суде «требовала от него признания своей бессердечности, жестокости, подлости, давших ему возможность спокойно жить эти десять лет с таким грехом на совести» [Толстой: Воскресение, С. 76].

Грех (предательство любви), обусловленный животной страстью, развивает такие пороки как гордость, эгоизм, себялюбие, бессердечность, жестокость, черствость, пошлость и др. Эта схема соотношения греха и порока очевидна в романе, когда герой, «исполненный чувства некоторого самодовольства достигнутой цели», «в состоянии сумасшествия эгоизма...думал только о себе - о том осудят ли его и насколько, если узнают о том, как он с ней поступил, а не о том, что она испытывает и что с ней будет». Или когда совал ей за пазуху деньги, «не потому что ей эти деньги нужны, а потому, что так всегда делают, и его бы считали нечестным человеком, если бы он, воспользовавшись ею, не заплатил бы за это» [Толстой: Воскресение, С. 75].

Грех, совершенный Нехлюдовым отразился на судьбе Масловой, бросив ее на самое дно жизни, обезличив и умертвив в ней, прежде всего, *доверие* к людям [Толстой: Воскресение, С. 136].

Греховный поступок, таким образом, вовлекает в свою дьявольскую орбиту все большее количество безнравственных поступков, мотивов, людей, формируя в своей совокупности *коллективное зло*, которое сосредотачивается в судебных учреждениях, тюрьмах и каторгах. На страницах романа «Воскресение» - судьбы людей, убийц, воров, политзаключенных, которые по тем или иным причинам попадают в тюремное «колесо сансары», делая свой моральный выбор. В этом плане роман «Воскресения» представляет собой масштабное историческое и культурное полотно нравов, проект, раскрывающий смысл «большого дыхания».

Рост души. Раскаяние

Социальное зло в романе «Воскресение» впечатляет не только своей масштабностью, но и тем, что, казалось бы, оно распространено повсюду, и главное, - зло торжествует своей непреодолимостью и кажущейся справедливостью. Человеческие грехи как «атомы» зла, по мысли Толстого, тем страшны, что они проникают в повседневную жизнь, составляя ткань повседневности. Значит ли это, что зло непреодолимо? И возможно ли искоренение греха?

В своем последнем произведении "Путь жизни" Толстой считает, что в этой жизни человек не может освободиться от грехов, что он может быть только более или менее грешен, но безгрешным не может быть никогда. Однако в самом сознании своей греховности,

мобилизующим человека на борьбу с собственными пороками и скрывается тот момент "благодати" и "спасения свыше", которые характеризуют истинно христианский путь преодоления зла.

В романе «Воскресение» преодоление греха связано понятиями роста души, раскаяния, умоперемены, самосовершенствования.

Рост души в романе представлен как *постепенное осознание* последствий совершенного греха. Первый импульс – *мучительное воспоминание*, которое рождает *нравственное потрясение и страх общественного порицания* [Толстой: Воскресение, С. 85].

Нехлюдов в суде с ужасом узнает в подсудимой «девушку-воспитанницу-горничную, в которую он в одно время был влюблен, именно влюблен, а потом в каком-то безумном чаду соблазнил и бросил, и о которой никогда не вспоминал, потому что воспоминание это было слишком мучительно, слишком явно обличало его и показывало, что он, столь гордый своей порядочностью, не только непорядочно, но прямо подло поступил с этой женщиной» [Толстой: Воскресение, С. 47].

Раскаяние Нехлюдова связано с глубочайшим эмоциональным и нравственным потрясением, хотя внешне «по усвоенной привычке, положив ногу на ногу и небрежно играя своим *pince-nez*, в самоуверенной позе сидел на своем втором стуле первого ряда», однако, внутренняя работа души продолжалась и давала почувствовать «всю жестокость, подлость, низость не только этого своего поступка, но и всей своей праздной, развратной, жестокой и самодовольной жизни, и та страшная завеса, которая каким-то чудом все это время, все эти двенадцать лет скрывала от него и это преступление, и всю его последующую жизнь, уже колебалась, и он урывками уже заглядывал за нее» [Толстой: Воскресение, С. 87].

Нравственное потрясение как начало осознания греха приводит к Богу, молитвенное обращение к Богу нашего героя означало, что «Бог, живший в нем, проснулся в его сознании», поэтому «он почувствовал себя им и почувствовал не только свободу, бодрость и радость жизни, но почувствовал *все могущество добра* (*курсив наш – Е.М., В.Н.*). Все, все самое лучшее, что только мог сделать человек, он чувствовал себя теперь способным сделать это» [Толстой: Воскресение, С. 110]. С ощущением божественного присутствия связано и с чувство любви ко всем людям: «Удивительное дело: с тех пор как Нехлюдов понял, что дурен и противен сам себе, с тех пор другие перестали быть противны ему; напротив, он чувствовал к Аграфене Петровне и к Корнею ласковое и уважительное чувство. Ему хотелось покаяться и перед Корнеем... [Толстой: Воскресение, С. 123]. Таким образом, Бог идентичен любви, которая распространяется на всех людей, а грех – препятствие любви и Богу. Открытие Нехлюдовым жестокой и абсурдной реальности, в которой он находился, вызывает *ужас* и это экзистенциальное чувство «ужасания» сопряжено с *удивлением* «как он мог не видеть этого прежде, как могли другие не видеть этого» [Толстой: Воскресение, С. 128].

С другой стороны, абсурдность бытия и, главное, - *осознание* этой абсурдности являются мощной мотивацией не только к поступку, но и к *изменению образа жизни*. Нехлюдов понимает необходимость этих перемен: «прежде Нехлюдов играл своим чувством любования на самого себя, на свое раскаяние, теперь ему было просто страшно. Бросить ее – он чувствовал это – теперь он не мог, а между тем не мог себе представить, что выйдет из его отношения к ней» [Толстой: Воскресение, С. 166].

Характерно и то, что в романе рост души связывается с определенными чувствами. Для Нехлюдова – это чувства, как мы это показали выше, *ужаса, страха, удивления*. Маслова ощущает *боль*, которую она пытается погасить прежними привычками – выпивкой, курением: «Она в первую минуту вспомнила смутно о том новом, чудном мире чувств и мыслей, который открыт был ей прелестным юношей, любившем ее и любимым ею, и потом об его непонятной жестокости и целом ряде унижений, страданий, которые последовали за этим волшебным счастьем и вытекали из него. И ей сделалось больно» [Толстой: Воскресение, С. 149]. Боль рождает в Масловой желание отомстить или использовать Нехлюдова, и, одновременно боль – знак *пробуждающегося достоинства*, именно болезненный рост души дает ей право отвергнуть предложение Нехлюдова, почувствовать тщеславный лоск его раскаяния: «Я каторжная, а ты князь, - вскрикнула она, вся преображенная гневом, вырывая у него руку. – Ты мной хочешь спастись, - продолжала она, торопясь высказать все, что

поднялось в ее душе. – Ты мной в этой жизни услаждался, мной же хочешь и на том свете спастись! Противен ты мне, и очки твои, и жирная, поганая вся рожа твоя. Уйди, уйди ты! - закричала она, энергичным движением вскочив на ноги» [Толстой: Воскресение, С. 165].

Отношение к Нехлюдову постепенно меняется, по мере того, как меняется и он сам, его поступки не только по отношению к ней, Масловой, но и по отношению к каторжным, политическим, которым Нехлюдов бескорыстно помогает.

Радость совершенная - радость преодоления зла. Это понятие является центральным в религиозно-нравственном учении Толстого и вершиной нравственного пафоса романа. Умоперемена, произошедшая в Нехлюдове и Масловой проявляется не только внутренне, но и во внешнем виде Масловой, образе жизни и мыслей Нехлюдова. «После двух месяцев похода по этапу происшедшая в ней перемена проявилась и в ее наружности. Она похудела, загорела, как будто постарела; на висках и около рта обозначились морщинки, волосы она не распускала, а повязывала голову платком, и ни в одежде, ни в прическе, ни в обращении не было уже прежних признаков кокетства. И эта происшедшая и происходившая в ней перемена не переставая вызывала в Нехлюдове особенно радостное чувство» [Толстой: Воскресение, С. 346].

Само понятие и состояние "радости преодоления зла", как нам кажется, лучше всего передают противоречивость толстовского понимания природы зла. Зло выступает здесь и как самостоятельная, реальная сила, которую необходимо побороть и преодолеть, и как иллюзия, разрушение которой и создает ощущение радости и свободы. Ибо абсолютная, "совершенная радость" возможна только в случае ощущения абсолютного преодоления злой силы, полного освобождения от нее, что достигается только в результате радикального искоренения зла как иллюзии. И вместе с тем радость приобретает высший смысл, если речь идет о преодолении реальной, предметной силы зла. Грех рассматривается Толстым как *препятствие, мешающее проявлению любви*. Значение данного препятствия Толстой склонен оценивать весьма позитивно, усматривая в нем динамический момент *самосовершенствования* и *самоспасения*. Таким образом, грехи как препятствия, мешающие проявлению любви, самоценны не только в силу того, что процесс их преодоления доставляет "совершенную радость", но также и в силу того, что без грехов невозможно познание высшей истины, которая одна может помочь человеку реально отвратиться от зла и всецело стать на сторону добра. Речь здесь, конечно, идет не о пассивном состоянии греховности, но активном осознании своих грехов, ведущем к "умоперемене".

Круговорот греха: бесполезность раскаяния

Предполагало ли полное очищение от греха сладострастия женитьбу Нехлюдова на Екатерине Масловой? Толстой не отвечает прямо на этот вопрос, но гипотетическая логика развития сюжета однозначно говорит о том, что тяжелейшие испытания Нехлюдова по очищению от греха пропали даром.

Понимая, что Маслова, уходя с Симонсоном, приносит себя в жертву, освобождая Нехлюдова, и вместе с тем продолжая страдать, потому что не перестает любить его, он не в силах признаться себе в этом. «Нехлюдов вдруг почувствовал страшную усталость». При этом, как подчеркивает Толстой, он устал не от бессонной ночи, не от волнения, не от путешествия в Сибирь, но «страшно устал от всей жизни». У Нехлюдова не хватает силы воли довести до конца дело раскаяния, дело очищения от собственного конкретного греха. Вместо этого приехав в гостиницу, он открывает Евангелие и переключается на «общее дело» избавления от абстрактного зла. «Так вот оно, дело моей жизни», - думает он. – Только кончилось одно, началось другое». Но это – обманная мысль, то, что Толстой называет суеверием – «ложной наукой». Дело раскаяния не кончилось, ибо любовь Масловой так и не была скреплена семейными узами, и, следовательно, оказалась незащищенной от новых соблазнов. Значит, и «другое дело» (борьба со всеобщим злом) не могло начаться. Толстой интуитивно прочувствовал это в возможном виртуальном развитии сюжета. В июле 1904 г., предполагая продолжить роман и написать «деревенского Нехлюдова», Толстой записывает в Дневнике: «Захотелось написать 2-ю часть Нехлюдова. Его работа, усталость, просыпающееся барство, соблазн женский, падение, ошибка...» [Толстой: Полн. собр. соч., Т. 55. С. 66]. Для Нехлюдова все как бы возвращается на круги своя. Ибо из кругов Ада выхода нет.

Список литературы
References

1. Басинский П.В. Лев Толстой: Бегство из рая – М.: Аст, 2010.
Basinskiy P.V. Lev Tolstoy: Begstvo iz raya – M.: Ast, 2010.
2. Толстой Л.Н. Воскресение. Библиотека Всемирной литературы. Серия 2. Изд-во «Художественная литература». М., 1976.
Tolstoy L.N. Voskreseniye. Biblioteka Vsemirnoy literatury. Seriya 2. Izd-vo «Khudozhestvennaya literatura». M., 1976.
3. Толстой Л. Н. Путь жизни. - М.: Республика, 1993.
Tolstoy L. N. Put' zhizni. - M.: Respublika, 1993.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юбилейное издание в 90 т. М.-Л.: Художественная литература, 1928-1958.
Tolstoy L.N. Poln. sobr. soch. Yubileynoye izdaniye v 90 t. M.-L.: Khudozhestvennaya literatura, 1928-1958.